

Конговские
ТАУНЫ

ПЛАТА ЗА ОДИНОЧЕСТВО

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В73

Разработка серийного оформления
В. Акулич

Иллюстрация *А. Ларюшиной*

Оформление *Л. Ласица*

Вонсович, Бронислава.

В73 Плата за одиночество / Бронислава Вонсович. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Колдовские тайны).

ISBN 978-5-699-91726-6

Казалось, юную Штефани ждет судьба всех, кто выходит из Королевского приюта, — место на ткацкой фабрике и клетушка в бараке. Магического Дара мало, умений никаких, помощи ждать не от кого. Неожиданно ей улыбнулась удача. Работа в магазине элитной косметики — это ли не счастье для сироты? Хорошая зарплата, отзывчивая нанимательница, уютная квартира и красивые наряды. Но удача ли? В магазине происходит что-то непонятное. Странные разговоры, которые ведут хозяйка и ее компаньон. Странные заказы, от которых падаешь в обморок. Странное исчезновение предшественницы. Странное предложение руки и сердца от поставщика зелий. И страшное убийство напарницы. А убийца — один из тех, кто сейчас рядом. Но как понять, кто именно?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вонсович Б., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91726-6

Глава 1

Сколько я себя помнила, кровати с Региной у нас всегда стояли впритык. И столько же длилась наша дружба. Казалось, так будет вечно — мое законное место в Королевском приюте для девочек и подруга рядом. Но все меняется, когда приходит оно — совершеннолетие. У нас, в Гарме, оно наступает в семнадцать, с этого возраста приютское место переставало быть моим, и мне надлежало искать что-то в большом и страшном внешнем мире. Если бы мой Дар был чуть сильнее, то я могла бы уже год учиться в Магической Академии, там предоставляют стипендию и общежитие. Но его было недостаточно, о чем я совершенно не жалела — у подруги способностей к магии было еще меньше, а значит, и поступить со мной она никак не могла.

Нельзя сказать, что бросали нас совсем на произвол судьбы. Девушки из приюта по проторенной дорожке шли на ткацкую фабрику, где предоставлялась не только работа, но и жилье за невысокую цену — клетушка в трехэтажном бараке. Крошечная, зато отдельная — больше всего в приюте меня угнетала невозможность побыть одной. Регина не в счет, мы с ней так хорошо понимали друг друга, что могли считаться одним целым. А вот остальные... Постоянно следящие за тем, что ты сказала и куда пошла,

постоянно обсуждающие и обсасывающие любые, самые мелкие новости, они неимоверно меня раздражали. И ладно бы просто обсуждали, а то ведь норовили побежать с доносом к присматривающим за нами монахиням. «Сестра Тереза, Штефани Ройтер и Регина Беккер сидят с книгами за сараем, а ведь грядки сами не прополются!» «Сестра Магдалена, Регина Беккер болтает через забор с подозрительным парнем!» «Сестра Катарина, Штефани Ройтер опять любовную записку через забор перекинули. Вот она!» И смотрят такими проникновенно-собачьими глазами, как будто косточку сахарную выпрашивают за хорошее поведение. Доносы у нас поощрялись, за них давали послабления в ежедневных заданиях, а иной раз — дополнительную порцию сладкого. Забранную, кстати, у того, на кого донесли. Сладкое нам доставалось редко, и тем горше была его потеря. Мы с Региной обычно делили порцию на двоих, если кого-то из нас наказывали, но чаще все же наказывали обеих, потому что мы были все время вместе. Но вскоре должны были закончиться и наши нарушения, и наши наказания — жить в этом месте мне оставалось два дня, не считая этого. Мне исполнялось восемнадцать, во всяком случае, эта дата записана в моих документах как день моего рождения, а точно ведь его без привлечения магов не определишь. Увы, слабым магам это было не под силу, крупные привлекаться не желали, поэтому дата записывалась приблизительно — как показалось сестре, нашедшей поутру младенца перед дверями приюта, так и будет указано во всех документах воспитанницы. С девочками, которые попадали в более позднем возрасте, все было еще грустнее — подозреваю, что ошибка

там могла составлять год, а то и больше. Впрочем, кого это волновало? Приютских работников — точно нет. Называли найденьшей тоже, как захочется. Меня всегда радовало, что мне досталось имя Штефани, а не что-нибудь вроде Фердинанда или Геновефа. Монахини больше заглядывали в жития святых, чем думали о том, что придется бедной девочке всю жизнь откликаться на такое ужасное имя.

— Штеффи, мне кажется, тебе соглашаться надо, — прошептала Регина еле слышно. — Это намного лучше, чем ткацкая фабрика, и платят больше.

— Просто странно это все, — так же тихо ответила я ей. — Мы с ней никогда дружны не были, как ушла — в приюте больше не появлялась. А здесь внезапно вспомнила и благодетельствовать желает...

— Ну уж благодетельствовать, — фыркнула Регина, но тут же зажала рукой рот и огляделась, не обратил ли кто внимания на наш разговор. Но все спали или делали вид, что спят. — Она тебе свою съемную квартиру спихнуть собирается, если хозяйка решит тебя взять.

Она — это Сабина Аккерман, которая два года назад покинула приют, но сумела найти себе место в лавке, торгующей элитной косметикой. Жалованье, положенное хозяйкой, да еще процент от продаж позволили ей существовать много лучше, чем всем, кто после приюта пошел на фабрику. Красивая, уверенная в себе, хорошо одетая инорита — такой предстала она передо мной, когда внезапно выразила желание повидаться. Яркое платье, подчеркивающее все достоинства фигуры. Изящные туфельки на каблуке. Да, теперь в ней никто не узнал бы скромную воспитанницу приюта!

— Штефани, тебя же скоро выпнут отсюда? — сказала она, пристально меня разглядывая, как будто уже забыла, как я выгляжу, и желала убедиться в моей подлинности. — Моя хозяйка как раз ищет вторую продавщицу. Нужна девушка с Даром, твоего хватит.

Чуть позже выяснилось, что требования этим не ограничиваются. Сабина озвучила их целый список, где главные были — приятная внешность без видимых изъянов и умение держать язык за зубами. Это касалось как хозяйских дел, так и тайн клиенток. То, что я не болтлива, бывшая приютская девочка помнила очень хорошо — ни одна чужая тайна от меня дальше не уходила. Было у Сабины и условие — я снимаю квартиру, за которую она проплатила за год вперед, но которая ей сейчас не нужна, а хозяйка деньги возвращать отказывалась.

— Не квартирка — конфетка, — говорила она. — Комната, правда, маленькая, но одной тебе к чему больше? И кухня, и душ — все свое, не общее...

Это, конечно, не фабричный барак. Знает же, чем зацепить можно. Но все это было слишком хорошо, чтобы я могла поверить в искренность Сабины. Както не припоминались за ней доброта, бескорыстие и желание безвозмездно помочь ближнему.

— Что ж ты в этой конфетке жить сама не хочешь? — заинтересовалась я. — Если она такая прекрасная.

— У мужа своя, — небрежно бросила она, проинформировав меня заодно об изменившемся статусе. — Две, как понимаешь, нам не нужны. Так как?

Я неопределенно пожала плечами. Все это было настолько неправдоподобно заманчиво, что поневоле закрадывался вопрос: а как я буду за это рас-

плачиваться? И чем? В доброту душевную Сабины я не верила — она всегда ставила собственную выгоду превыше всего. Вот если бы она запросила с меня еще и процент от жалованья, тогда бы все сомнения отпали. С другой стороны, может, ее настолько беспокоит оплаченная квартира, что вариант с деньгами за помощь в трудоустройстве просто не пришел в голову?

— Такое место без меня ты все равно не найдешь, — начала она уговаривать, чем только еще больше усилила мои подозрения. — Это центр города, публика соответствующая, хорошие деньги — еще и процент от продаж идет. И все, что я от тебя прошу, — взять на себя оплату моей квартиры. Это всего ничего за такое щедрое предложение. Тебе же придется где-то жить, когда отсюда уйдешь? А это идеальный вариант — близко к работе, хороший район. Поверь, дешевле ты не найдешь, я сама столько обегала, пока нашла...

Вот этому я могла и поверить — первое попавшееся она точно не схватила бы. Интересно, что собой представляет ее муж? Если он не против ее работы, значит, доходы у него невелики. Получается, она за него по любви вышла? Никогда бы не подумала...

— Ну что ты молчишь? — В голосе Сабины проскочило явное раздражение. — Думаешь, когда выйдешь, за тобой толпа будет бегать и предлагать место повыгоднее?

— Неожиданно это просто, — ответила я ей. — Да и все равно, от того, что я соглашусь сейчас, ничего не изменится, ведь к работе я смогу приступить только через несколько дней.

— Я бы хозяйке сказала, что она может никого больше не искать. — Фраза прозвучала столь невинно-фальшиво, что я сразу догадалась, с кого возьмут деньги за мое трудоустройство. — Но учти, ты ей можешь и не подойти, она инора очень придиричивая. Если тебя не возьмет, то и квартиру оплачивать тебя никто не обяжет. — Она презрительно на меня посмотрела, фыркнула и добавила: — Твоей зарплаты с этой уродской фабрики не хватит. Слушай, ну чего тебе не нравится, в самом деле? Ничем не рискуешь. Не возьмут — попрешься на фабрику, возьмут — снимешь у меня квартиру. И все.

Все это выглядело очень заманчиво, так и тянуло согласиться. Но ведь была еще Регина. Регина, которая мне была как сестра, с которой у нас были планы и которая тоже вскоре должна была покинуть приют. Вместе выживать намного легче, пусть и в менее комфортных условиях, чем мне сейчас предлагают.

— Я подумую, — наконец ответила я.

— Подумает она! — Сабина просто поперхнулась возмущением. — Другая бы за такую возможность ухватилась сразу, да еще благодарила бы не умолкая.

— Но пришла-то ты ко мне, а не к кому-то другому, — резонно возразила я.

— Да нет у меня больше знакомых, чтобы Дар был, физиономия не страшная, да еще болтать не любила, — честно призналась наконец Сабина. — Я хозяйке пообещала, что найду кого, но не так-то это просто оказалось. А она уже злиться начинает.

— И очень злится? — как бы между прочим поинтересовалась я.

Все же характер потенциальной работадательницы — вещь немаловажная. Что нас ждет на фабрике,

мы прекрасно знали — все-таки несколько раз в неделю по четыре часа отработывали, так что неожиданностей там быть не должно.

— Да нет, что ты, — Сабина заулыбалась и рукой махнула, чтобы показать несерьезность моего опасения. — Это я так, для красоты речи. Нормальная она, лишний раз голос не повысит.

— А условия ухода оттуда какие? — все же решила спросить я.

— Да как везде, — она удивленно приподняла брови, подщипанные и чуть подкрашенные, — кровью расписываться тебя не заставят, магическую клятву давать тоже не нужно.

— Хорошо, я подумаю, — повторила я.

Сабина вздохнула, она поняла, что сегодня от меня больше ничего не добьется.

— Тогда я скажу, что ты согласилась, — неожиданно заявила она. — Если решишь отказаться, скажу хозяйке, что ты передумала. Тебя когда выпнут?

Слово «выпнут», которое она использовала уже второй раз, не очень подходило для момента выхода из приюта. Сестры-монахини стремились сделать его наиболее безболезненным — нам вручался набор вещей на первое время и часть денег, заработанных за это время на фабрике. Меньшая, конечно, большая шла приюту. Кроме того, давали еще направление на фабрику. В других приютах, по слухам, и этого не было. Дорос до определенного возраста — и до свидания. Что там с тобой за воротами произойдет, никого не волнует. С другой стороны, задержаться даже на лишний час нам тоже не давали. Прощание происходило сразу после завтрака без оркестра и салюта.

— Через два дня, — ответила я ей.

— Тогда я забегу через два дня, — довольно сказала Сабина. — А если не забегу — значит, уже нашли кого на это место.

Ушла она сразу, ни о чем больше говорить не захотела, хотя вопросов у меня было множество. Наверное, дай я ей твердое согласие, она бы подружку отнеслась. Но я хотела сначала обсудить все с Региной. Поговорить нам удалось, лишь когда мы оказались в спальне, где, кроме нас, было еще очень много разновозрастных девочек. Пока все укладывались, перешептывались и постепенно засыпали, я рассказывала Регине о предложении Сабины и о том, почему при всей кажущейся выгоде мне не хочется на него соглашаться.

— Она права, — шепнула Регина. — Где тебе еще такое место предложат?

— Но мы же вместе хотели, — напомнила я.

— Так и будем вместе, — оптимистично заявила подруга, даже чуть повысив голос для убедительности. — Просто попытаемся найти работу не в такой заднице, как эта фабрика.

Я посмотрела на нее с осуждением. Регина иной раз позволяла себе слова и выражения, за которые нас нещадно наказывали — наотмашь били по губам, а особо провинившихся изредка даже пороли. Занималась этим сестра Тереза, женщина лет пятидесяти, плотной комплекции, с вечно сжатыми в куриную гузку губами. Это даже доставляло ей удовольствие, особенно когда жертва начинала плакать и умолять бить не так сильно. Остальные сестры были более снисходительны к детям, но эта...

— Что ты так на меня смотришь? — прошептала Регина. — Задница, она и есть задница, разве не так? По-другому и не скажешь. Все равно нас сейчас никто не слышит. Можно, конечно, высокомерно сморщить аристократический носик и сказать: «Это место работы не очень-то хорошо», но смысл? Суть от этого не изменится.

Да, здесь она была права — работницы фабрики жили, мягко говоря, не очень богато. Многих это устраивало, и они ничего не пытались изменить. Из всех, кто вышел из нашего приюта за последние два года, только Сабина там не задержалась. Рискнула, ушла и неплохо устроилась. Может, и мне попробовать?

— Соглашайся, — продолжала уговаривать меня подруга. — Что ты теряешь? Фабрику? Так туда в любой момент прийти можно, и возьмут. Можно подумать, там у них за место дерутся.

Фабрика меня и саму не привлекала. Но не менее важным казалось другое...

— Не нравится мне Аккерман, — честно сказала я Регине. — И все, что от нее идет, — тоже не нравится. Мне же с ней работать рядом придется и жить в квартире, которую она уже под себя подстроила.

— Перестроишь, — оптимистично заявила подруга. — И совсем необязательно, что работать рядом с ней придется, скорее всего, по очереди будете отбывать. Не понравится — уйдешь. Что решила-то?

— Давай спать. У меня впереди еще два дня, чтобы обдумать, — вздохнула я.

Регина замолчала, но ее глаза выразительно поблескивали в темноте, выдавая, что вот прямо сей-

час она уже начинает строить планы. А если подруга за что-то бралась, то одними планами она не ограничивалась, а пыталась их немедленно воплотить. Так что за эти два дня она меня непременно уговорит. Впрочем, я и сама была склонна согласиться. Вполне возможно, что поселившееся внутри меня нежелание принимать помощь Аккерман — лишь дань привычке приютского ребенка никому не доверять, а на самом деле ей от меня ничего не нужно, кроме денег за неудачно снятую квартиру. Потом мне пришло в голову, что могут найти подходящую девушку и без меня, и тогда все решится само. Так что я просто положились на судьбу. Придет Сабина через два дня — схожу с ней, хоть посмотрю, где работать предлагают, не придет — значит, не судьба.

Глава 2

Утром в день моего рождения дежурная монахиня прочитала в столовой прочувствованную речь о том, что они отпускают меня со слезами на глазах и болью в душе и даже представить не могут, как дальше приют сможет без меня существовать. Фразы были гладкие, красивые и точь-в-точь такие же, какие были обращены ко многим девушкам до меня, так что не приходилось обольщаться мыслями о собственной незаменимости. Распереживалась одна Регина, даже носом шмыгнула, когда думала, что я отвлеклась. Внешне она старалась ничего не показывать, чтобы не расстроить меня окончательно. За прошедшие с прихода Сабины дни все было обговорено по нескольку раз, но все же и у меня ко-

мок к горлу как подступил, так и не хотел уходить, грозя разразиться самыми настоящими слезами. Теперь свидания с единственным близким мне человеком ограничивались получасом в неделю — таковы правила приюта, и никто их нарушать ради нас не будет. Радовало, что это ненадолго — каких-то жалких два месяца, и мы снова будем рядом. А к этому времени я устроиться смогу в лавке ли, на фабрике — да какая, в сущности, разница?

Нам с Региной даже толком попрощаться не дали. Подругу отправили на отработку, а меня повели к сестре-смотрительнице, поставленной во главе приюта руководством монастыря, при котором все это было организовано. Видели мы ее не очень часто, а уж вблизи — почти никогда. В обычной жизни была она для нас так же недостижима, как святая Бригитта — покровительница этого места. Сейчас я могла ее внимательно рассмотреть. Только зачем? Вряд ли мы с ней еще когда-нибудь увидимся. Разве что мне придет в голову подарить месту, меня вырастившему, большую денежную сумму — таких покровителей она принимала всегда лично и с большим удовольствием. Сейчас сестра-смотрительница занималась тем, что произносила еще одну напутственную речь. Никаких отличий от того, что мне уже довелось выслушать не так давно, я не нашла, так что, когда дело дошло до молитвы, направляющей воспитанниц на путь истинный, и мы начали ее вдвоем повторять, я даже внутренне облегченно выдохнула, так как с трудом выносила все эти нравоучительные беседы, во время которых иной раз начинала засыпать. Монахини сетовали на мою испорченность, а Регина — на занудство самих мо-